

В диких условиях

Автор:

[Джон Кракауэр](#)

В диких условиях

Джон Кракауэр

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

В апреле 1992 года молодой человек из обеспеченной семьи добирается автостопом до Аляски, где в полном одиночестве, добывая пропитание охотой и собирательством, живет в заброшенном автобусе – в совершенно диких условиях... Реальная история Криса Маккэндлесса стала известной на весь мир благодаря мастерству известного писателя Джона Кракауэра и блестящей экранизации Шона Пенна. Знаменитый актер и режиссер прочитал книгу за одну ночь и затем в течение 10 лет добивался от родственников Криса разрешения на съемку фильма, который впоследствии получил множество наград и по праву считается культовым. Зброшенный автобус посреди Аляски стал настоящей меккой для путешественников, а сам Крис – кумиром молодых противников серой офисной жизни и материальных ценностей. Во всем мире было продано более 2,5 миллиона экземпляров.

Джон Кракауэр

В диких условиях

Линде

Предисловие

В апреле 1992 года молодой человек из вполне состоятельной семьи с Восточного побережья США добрался автостопом до Аляски и в полном одиночестве удалился в дикие места к северу от горы Мак-Кинли. Четыре месяца спустя его разложившееся тело было обнаружено группой мужчин, вышедших на лосиную охоту.

Почти сразу после того, как был обнаружен труп, редактор журнала Outside попросил меня написать статью о загадочных обстоятельствах смерти этого парня. Выяснилось, что звали молодого человека Кристофер Джонсон Маккэндлесс. Вырос он, как я узнал, в богатом пригороде Вашингтона, где славился своими успехами в учебе и спорте.

Летом 1990 года, с отличием закончив Университет Эмори, он бесследно исчез практически сразу же после получения диплома. Он поменял имя, перевел все содержимое своего сберегательного счета в сумме двадцати четырех тысяч долларов на счет благотворительной организации, бросил машину и почти все свои пожитки, сжег оставшиеся в бумажнике наличные. После этого он придумал себе новую жизнь, обосновался на самой границе цивилизованного общества и начал скитаться по Северной Америке в поисках первобытных, трансцендентных переживаний. Его родные не имели ни малейшего представления о том, где он находится и что с ним случилось, вплоть до того момента, когда на Аляске были обнаружены его останки.

Сроки мне были поставлены достаточно жесткие, и работать над материалом пришлось очень быстро. Статья объемом в девять тысяч слов вышла в 1993 году в январском выпуске журнала, но и после того, как этот номер Outside уже несколько раз сменился в газетных лавках свежими волнами периодики, я не смог забыть историю Маккэндлесса. Мне не давали покоя не только обстоятельства голодной смерти парня, но и нагоняющие тревогу смутные параллели между событиями его и моей собственной жизни. Не находя сил раз и навсегда выбросить Маккэндлесса из головы, я больше года восстанавливал извилистый маршрут, приведший его к гибели в аляскинской тайге, и раскапывал подробности его странствий с интересом, больше похожим на полную одержимость. Попытки понять Маккэндлесса неизбежно заставляли

меня задумываться и о других, более глобальных вопросах: о том, какую власть имеет дикая природа над воображением американцев, насколько привлекательны рискованные экстремальные приключения для молодых людей определенного склада, какими сложными и напряженными могут быть взаимоотношения между отцами и сыновьями. Результатом этих запутанных исследований и стала книга, которую вы сейчас держите в руках.

Я не возьмусь притворяться объективным биографом. Странная история Кристофера Маккэндлесса задела меня за живое и лишила возможности бесстрастно описывать постигшую его трагедию. На протяжении почти всей книги я пытался (и, мне думается, по большей мере достаточно успешно) минимизировать присутствие на ее страницах самого себя, как автора. Но читателю следует знать, что я периодически прерываю историю Маккэндлесса фрагментами повествований о событиях своей собственной юности. Я делаю это в надежде, что рассказы о пережитом мною смогут пролить хотя бы несколько слабых лучей света на загадку Криса Маккэндлесса.

Он был чрезвычайно впечатлительным молодым человеком со склонностью к упрямому идеализму, не слишком-то хорошо сочетавшемуся с современным образом нашего существования. Будучи давним поклонником творчества Льва Толстого, Маккэндлесс особо восхищался тем, как великий писатель отказался от богатой и привилегированной жизни, чтобы отправиться странствовать среди нищих. Еще в колледже Маккэндлесс начал подражать Толстому в смысле аскетизма и нравственной строгости до такой степени, что у всех близких ему людей это поначалу вызывало большое удивление, а потом и настоящую тревогу. Отправляясь в аляскинскую глушь, молодой человек не питал иллюзий, что там его ждут молочные реки с кисельными берегами. Наоборот, он искал как раз опасностей, трудностей и толстовского самоотречения. И он все это получил, причем в достатке.

Тем не менее, львиную долю своего испытания длиной в шестнадцать недель Маккэндлесс прошел более чем достойно. В действительности, если бы не один-два вроде бы совершенно незначительных просчета, то в августе 1992 года он бы покинул леса Аляски так же незаметно, как и вошел в них в апреле. Вместо этого его невинные ошибки привели к необратимому повороту в событиях, в

результате которого его имя стало известно всему миру из газетных заголовков, а ошеломленным родным осталось только судорожно цепляться за осколки мучительной, неистовой любви.

История жизни и смерти Криса Маккэндлесса произвела впечатление на необычайно большое количество людей. За недели и месяцы, последовавшие за публикацией статьи в Outside, журнал получил рекордное количество откликов. Ни одна другая статья в истории этого издания не породила такого вала почты. Авторы писем, как и следовало ожидать, придерживались радикально противоположных точек зрения: одни выражали свое беспредельное восхищение отвагой и благородными идеалами парня, другие гневно клеймили его позором, объявляли беспечным идиотом, психом и нарциссом, погибшим по причине собственной глупости и высокомерия... и ничем не заслужившим такого пристального внимания прессы. Моя точка зрения в отношении Криса Маккэндлесса станет понятна уже в самом скором времени, а свои собственные выводы я предоставляю сделать читателю самому.

Джон Кракауэр

Сиэтл

Апрель 1995

Глава первая. Просто Алекс

27 апреля 1992

Привет из Фэрбенкса! Пишу тебе, Уэйн, в последний раз. Прибыл сюда 2 дня назад. Здесь, на Юконе, с попутками очень сложно. Но я все-таки добрался.

Всю мою почту, пожалуйста, возвращай отправителям. На Юг я вернусь, возможно, очень не скоро. На случай, если это приключение обернется для меня смертью и ты никогда больше не получишь от меня никаких вестей, я хочу сказать тебе, что ты отличный мужик. А теперь я отправляюсь в дикую глушь.
Алекс.

ОТКРЫТКА, ПОЛУЧЕННАЯ УЭЙНОМ УЭСТЕРБЕРГОМ В КАРТАГЕ, ЮЖНАЯ ДАКОТА

Отъехав на шесть с лишним километров от Фэрбенкса, Джим Гэллиен заметил на заснеженной обочине дороги автостопщика. Дрожащий в свете серого аляскинского утра человек высоко поднял руку с оттопыренным большим пальцем. Голосовавший был, похоже, довольно молод. На вид ему было лет восемнадцать или, может, от силы девятнадцать. Из рюкзака у парня торчало ружье, но никакой угрозы в нем не чувствовалось. Здесь, в сорок девятом штате, автостопщик с самозарядным ремингтоновским карабином за спиной никаких опасений у автомобилистов обычно не вызывает. Гэллиен направил свой пикап к обочине и сказал парню забираться в кабину.

Тот закинул свой рюкзак в кузов «Форда» и сказал, что его зовут Алекс. «Алекс?» – спросил Гэллиен в надежде услышать фамилию.

«Просто Алекс», – ответил молодой человек, демонстративно пропустив намек мимо ушей. Росту в этом поджаром парне было где-то метр семьдесят с небольшим. Он сказал, что ему двадцать четыре и что родом он из Южной Дакоты. Потом он объяснил, что хочет добраться аж до самой границы Национального парка Денали, а там уйти подальше в леса и «несколько месяцев пожить на подножном корму».

Работавший электриком Гэллиен направлялся в Анкоридж, до которого от Денали надо было проехать еще под 400 километров по шоссе Джордж-Паркс, и поэтому сказал Алексу, что сможет высадить его в любом удобном ему месте. Весу в рюкзаке Алекса на вид было всего килограммов десять-пятнадцать, и Гэллиену (опытному охотнику и следопыту) сразу подумалось, что для

нескольких месяцев жизни в безлюдной глуши, особенно сейчас, в самом начале весны, это нереально мало. «Зная, с каким количеством продуктов и снаряжения люди отправляются в такие путешествия, я могу сказать, что его запасы были смехотворны», – вспоминает Гэллиен.

Поднялось солнце. Пока они спускались с лесистых хребтов над долиной реки Танана, Алекс неотрывно глазел на простирающиеся к югу продуваемые всеми ветрами пустоши торфяников. Уж не подвернулся ли ему один из тех полоумных, что, начитавшись Джека Лондона, едут из нижних сорока восьми штатов на север с глупой надеждой прожить наяву свои фантазии, подумал Гэллиен. Аляска издавна притягивала к себе мечтателей, отщепенцев, да и вообще всех, кто думал, что любые образовавшиеся в жизни дырки можно залатать девственным безграничем Последнего Фронттира. Однако тундра – место безжалостное, ей наплевать на людские надежды и устремления.

«Человек «оттуда», он ведь что, – неторопливо объясняет Гэллиен, звучно растягивая слова, – взял журнал «Аляска», полистал, да и думает, «а двину-ка я туда, буду кормиться чем Бог послал и хоть сколько-то поживу по-настоящему». А приехал сюда, пошел и правда в тундру, а там... ну, а там все совсем не так, как в журнале было написано. Реки широченные, течением с ног сшибает. Комарье до костей обглаживает. В большинстве мест и охотиться-то не на кого, потому что зверя не водится. Жизнь в тундре – это тебе не на пикник съездить».

Ехать от Фэрбенкса до границы Парка Денали было два часа. Чем больше они разговаривали, тем меньше оставалось у Гэллиена сомнений в нормальности Алекса. Парень был приятный и вроде бы хорошо образованный. Он засыпал Гэллиена вполне разумными вопросами о том, какая в этих местах водится мелкая дичь, какие есть съедобные ягоды... «и все такое прочее».

Тем не менее, Гэллиен не мог унять беспокойства. Алекс признался, что из продуктов у него в рюкзаке – только пятикилограммовый мешок риса. Снаряжения у него для жизни в нелегких здешних условиях (тут и в апреле все еще было покрыто толстым слоем снега) было явно меньше необходимого минимума. Обут он был в дешевые кожаные походные ботинки, которые не

могли защитить его ни от влаги, ни от холода. Из маломощного ружья калибра.22 нельзя было рассчитывать подстрелить какое-нибудь более или менее крупное животное типа лося или канадского оленя-карибу, а ведь именно их мясом ему придется питаться, если он надеется прожить здесь хоть сколько-то долго. У него с собой не было ни топора, ни средства от комаров, ни снегоступов, ни компаса. Из навигационных средств у него имелась только потрепанная карта автодорог штата, которую он стащил на какой-то бензоколонке.

В полутора сотнях километров от Фэрбенкса дорога начала взбираться к подножью Аляскинского хребта. Когда они ехали по мосту через реку Ненана, Алекс посмотрел вниз на ее стремительный поток и признался, что боится воды. «Год назад я был в Мексике, – сказал он Гэллиену, – уплыл на каноэ в океан и чуть не утонул, когда вдруг начался шторм».

Спустя некоторое время Алекс вытащил свою простенькую карту и показал на прерывистую красную линию, пересекавшую шоссе недалеко от шахтерского городка Хили. Ею была обозначена проселочная дорога, носящая название Стэмпид-Трейл. Ездили по ней редко, и поэтому она даже не указывалась на большинстве дорожных карт Аляски. Тем не менее, на карте у Алекса эта извилистая штриховая линия тянулась километров на шестьдесят к востоку от шоссе Паркс и обрывалась где-то в нехоженной глуши к северу от горы Мак-Кинли. Именно сюда, заявил Алекс Гэллиену, он и хочет попасть.

Гэллиен посчитал план своего пассажира безрассудной авантюрой и несколько раз попытался убедить его отказаться от своих намерений: «Я сказал ему, что охоты в тех местах ему не будет, что добычу там, бывает, приходится искать по несколько дней. Когда это не помогло, я стал пугать его медведями. Я сказал, что взрослого гризли пуля из его мелкашки мало того что не убьет, а скорее, наоборот, только разозлит. Но Алекса все это, казалось, совершенно не беспокоило. «Тогда я залезу на дерево», – вот и все, что он мне на это ответил. Тогда я взялся объяснять ему, что в этой части штата реально больших деревьев не растет, что медведю и напрягаться не надо будет, он здешнюю тощую черную елку одной лапой завалит. Но Алекс стоял на своем. Чего бы я ему ни говорил, у него на все находился ответ».

Гэллиен сказал, что может довезти Алекса до Анкориджа, там купить ему сносный комплект снаряжения, а уже потом доставить туда, куда ему пожелается.

«Спасибо, конечно, но не надо, – ответил Алекс. – Мне и того, что есть, будет вполне достаточно».

Гэллиен спросил, есть ли у Алекса охотничий билет.

«Нету, блин, – с презрительной усмешкой ответил тот. – Как я буду добывать себе пропитание, властей совершенно не касается. Пошли они со своими идиотскими законами».

Когда Гэллиен спросил, знают ли о планах Алекса родители или друзья, сможет ли кто-то поднять тревогу, если он попадет в беду и не вернется вовремя, молодой человек спокойно ответил, что нет, никто не в курсе, а с родителями он вообще не общался уже почти два года. «Я совершенно уверен, – заверил он Гэллиена, – что ничего такого, с чем я не мог бы справиться сам, со мной не произойдет».

«Переубедить его было просто невозможно, – вспоминает Гэллиен. – Парень уже все для себя решил, и в другую сторону у него мозги уже не работали. Если говорить о его состоянии, то тут в голову приходит слово «взбудораженный». Ему просто не терпелось скорее туда добраться и начать жить, как было задумано».

В трех часах пути от Фэрбенкса Гэллиен свернул с трассы и направил свой издавший виды внедорожник вниз по заснеженному проселку. Несколько первых километров, пока Стэмпид-Трейл вел мимо разбросанных среди елок и осин

бревенчатых хижин, грунтовое полотно было достаточно ровным. Но когда последние домишки остались за спиной, качество дороги резко ухудшилось. Заросшая ольхой и местами размытая внешними водами, она превратилась в разбитую колею.

Летом эта колея была хоть насколько-то проезжим подобием дороги, но сейчас ее покрывал полуметровый слой раскисшего весеннего снега. Километрах в пятнадцати от поворота Гэллиен понял, что застрянет, если попытается проехать дальше, и остановил свой грузовичок на верхушке небольшого пригорка. На горизонте к юго-западу под солнцем сверкали ледяные вершины самого высокого горного хребта Северной Америки.

Алекс уговорил Гэллиена взять себе его часы, расческу и восемьдесят пять центов мелочью (все, как он сказал, оставшиеся у него деньги). «Не нужны мне твои деньги, – протестовал Гэллиен, – да и часы у меня свои есть».

«Если не возьмете, я так и сяк все это выброшу, – весело ответил Алекс. – Я не хочу знать, который сейчас час. Я не хочу знать, что сегодня за день и где я нахожусь. Все это не имеет значения».

Когда Алекс вылезал из машины, Гэллиен запустил руку за сиденье, вытащил оттуда пару старых резиновых сапог и убедил парня их взять. «Они ему были слишком велики, – вспоминает Гэллиен, – но я сказал: "Надевай их на две пары носков и хоть как-то убережешь ноги от сырости и холода"».

«Сколько я вам должен?»

«Не бери в голову», – ответил Гэллиен. Потом он вручил мальчишке бумажку со своим телефоном, которую тот аккуратно спрятал в нейлоновый бумажник.

«Если выберешься оттуда живым, звякни мне, и я скажу, как вернуть сапоги».

Жена Гэллиена дала ему в дорогу пару бутербродов с тунцом и сыром и пакет кукурузных чипсов. Он уговорил юного путешественника забрать и эти продукты. Алекс выудил из своего рюкзака камеру и, положив на плечо ружье, попросил Гэллиена сфотографировать его у начала покрытой снегом пешей тропы, по которой он потом и удалился с широкой улыбкой на лице. Все это произошло 28 апреля 1992 года.

Гэллиен развернул свой пикап, вернулся на шоссе Паркс и повернул на Анкоридж. Буквально через несколько миль, въехав в маленький городок Хили, где был пост полиции штата, Гэллиен подумал, не стоит ли остановиться и рассказать полицейским об Алексе, но потом решил этого не делать. «Я посчитал, что с ним все будет нормально, – объясняет он. – Я подумал, что он, скорее всего, быстренько проголодается, да и вернется к трассе. Так бы сделал любой нормальный человек».

Глава вторая. SOS!

Джек Лондон – король

Александр Супербродяга

Май 1992

НАДПИСЬ, ВЫРЕЗАННАЯ НА ДОСКЕ, ОБНАРУЖЕННОЙ НА МЕСТЕ СМЕРТИ КРИСА
МАККЭНДЛЕССА

Темный еловый лес стоял, нахмурившись, по обоим берегам скованной льдом реки. Недавно пронесшийся ветер сорвал с деревьев белый покров инея, и они, черные, зловещие, клонились друг к другу в надвигающихся сумерках. Глубокое безмолвие царило вокруг. Весь этот край, лишенный признаков жизни с ее движением, был так пустынен и холоден, что дух, витающий над ним, нельзя было назвать даже духом скорби. Смех, но смех страшнее скорби, слышался здесь – смех безрадостный, точно улыбка сфинкса, смех, леденящий своим бездушием, как стужа. Это извечная мудрость – властная, вознесенная над миром – смеялась, видя тщету жизни, тщету борьбы. Это была Глушь – дикая, оледеневшая до самого сердца Северная Глушь.

Джек Лондон. Белый Клык

На северной границе Аляскинского хребта, там, где тучные громады Мак-Кинли и ее сателлитов уступают место равнине, по которой бежит река Кантишна, подобно скомканному одеялу на неприбранной кровати раскинулись несколько хребтов помельче, известных под названием Внешней Гряды. Взяв начало между каменистыми пиками двух крайних бастионов Внешней Гряды, с востока на запад тянется впадина, сплошь покрытая топкими торфяниками и чащобами из ольховника и тщедушных елок. По этим-то заросшим, холмистым низинам и змеится Стэмпид-Трейл, тропа, по которой Крис Маккэндлесс уходил в дикую глушь.

Проложил эту тропу в 1930-х легендарный аляскинский рудокоп по имени Эрл Пилгрим. Она вела к залежам сурьмы, которые он застолбил на Стэмпид-Крик, ручье, вливавшемся в реку Токлат чуть выше развилки Клируотер-Форк. В 1961 году фэрбенксская компания Yutan Construction выиграла у правительства новоявленного штата Аляска (статус штата был пожалован ей за два года до этого) контракт на обустройство тропы, в результате которого она должна была превратиться в дорогу, по которой круглый год могли бы ходить самосвалы с добытой рудой. Для размещения рабочих, занятых на строительстве трассы, компания купила три списанных пассажирских автобуса. Снабдив автобусы нарами и печками-буржуйками, их прицепили к «девятке», мощному бульдозеру фирмы «Катерпиллер», и волоком дотащили до мест стоянки.

Проект закрыли в 1963 году. Около восьмидесяти километров дороги все-таки построили, но мостов над многочисленными пересекающими ее реками не возвели, и трасса в скором времени стала снова непроходимой из-за таяния вечной мерзлоты и сезонных паводков. Два автобуса дорожники вывезли к шоссе, а третий бросили на полпути, и в нем стали останавливаться проходящие мимо охотники и звероловы. За тридцать лет, прошедших с момента прекращения строительных работ, размываемая внешними водами, подтапливаемая бобровыми плотинами и зарастающая кустарниками дорога практически исчезла с лица земли, но автобус так и остался стоять там, где его оставили.

Ржавевший антикварный «Интернэшнл Харвестер» 1940-х годов выпуска стоит, бросаясь в глаза своей инородностью, километрах, если считать по прямой, в сорока от Хили, в зарослях кипрея на обочине Стэмпид-Трейл, как раз за чертой Национального парка Денали. Двигателя под капотом нет, окна покрыты паутиной трещин или выбиты напрочь, пол салона усеян осколками бутылок из-под виски. Выцветшие надписи на сильно окислившись зелено-белых боках автобуса говорят о том, что когда-то эта машина принадлежала Департаменту общественного транспорта Фэрбенкса и ходила по своим маршрутам под номером 142. В нынешние времена не редкость, что старый автобус не видит людей по шесть-семь месяцев кряду, но в начале сентября 1992 года обстоятельства сложились так, что в один и тот же день рядом с ним почти одновременно оказались шесть человек из трех разных групп.

В 1980 году территорию Национального парка Денали увеличили, чтобы включить в него холмы Кантишна и самую северную горную цепь Внешнего Хребта, но при этом забыли ввести в состав заповедника продолговатую низину, в народе прозванную Волчьим Селом, внутри которой и находится первая половина Стэмпид-Трейл. В силу того, что этот кусок земли размером десять на тридцать километров со всех сторон окружен охранной зоной, в нем всегда предостаточно волков, медведей, оленей-карибу, лосей и всякого прочего зверья. Местные охотники ревностно хранят этот секрет и никому не рассказывают о допущенном некогда административном ляпе. Каждую осень, как только открывается сезон лосиной охоты, группа охотников нет-нет да заглянет в гости к старому автобусу, стоящему недалеко от реки Сашаны на западном конце не вошедшей в состав заповедника половины Стэмпид-Трейл, всего в трех километрах от границы охранной зоны.

Шестого сентября 1992 года Кен Томпсон, владелец автокузовной мастерской в Анкоридже, его помощник Гордон Самел и их приятель, строитель Ферди Суонсон отправились к автобусу, чтобы уже оттуда выйти охотиться на лося. Добраться туда очень нелегко. Километрах в пятнадцати после того, как заканчивается более или менее сносная дорога, Стэмпид-Трейл пересекает стремительный поток реки Текланика, чьи ледяные воды постоянно мутны от ледниковых наносов. Проселок спускается к берегу реки совсем рядом с узкой расщелиной, в которую, бурля и пенясь, Текланика низвергает свои воды. Большинство людей, оказавшись перед перспективой лезть в этот поток цвета кофе с молоком, предпочитает просто повернуть обратно.

Но наши Томпсон, Самел и Суонсон были самыми настоящими упертыми аляскинцами, для которых характерно страстное желание проехать на своей машине там, где, по идее, на машине ездить вообще нельзя. Добравшись до Текланики, они бродили по ее берегу до тех пор, пока не нашли участок, где она разбивалась на множество относительно неглубоких потоков, а потом бесстрашно зарулили в ее быстрые воды.

«Я поехал первым, – говорит Томпсон. – Шириной там речка была метров в двадцать, а течение сумасшедшее. У меня лифтованный полноприводной «Додж» восемьдесят второго года на тридцативосьмидюймовой резине, но вода все равно доходила прямо до капота. В какой-то момент я даже подумал, что не проеду. А у Гордона на морде – лебедка на три с половиной тонны, мы подцепились, и я сказал ему, чтобы он шел прямо за мной и дернул, если я вдруг под воду уйду».

Томпсон выбрался на другой берег без приключений, а вскоре туда же вырулили и внедорожники Самела и Суонсона. В кузовах двух пикапов они везли легкие вездеходы: один трицикл и один квадроцикл. Запарковав свои тяжелые джипы на галечном берегу и выгрузив эти компактные и более маневренные машины, они продолжили путь к автобусу уже на них.

В сотне метров за рекой дорога ныряла в каскад бобровых запруд, вода в которых доходила до груди. Но трех аляскинцев этим было не остановить, они взорвали динамитными шашками построенные из ветвей и коряг плотины и осушили пруды. После этого они поехали дальше вверх по каменистому руслу ручья, продираясь через густые осиновые рощицы. До автобуса они добрались ближе к вечеру. Оказавшись там, они, по словам Томпсона, обнаружили «малость перепуганных парня и девушку из Анкориджа, которые стояли метрах в пятнадцати от него».

В автобус молодые люди еще не залезали, но когда подходили к нему поближе, почувствовали, что «изнутри жутко воняет». К ветке осины, растущей у задней двери машины, в качестве импровизированного сигнального флажка была прикреплена красная вязаная гетра, типа тех, что носят на репетициях танцоры. Дверь была приоткрыта, а скотчем к ней была прилеплена записка очень тревожного содержания. На странице, вырванной из книги Николая Гоголя, аккуратными печатными буквами было написано следующее:

SOS. МНЕ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ. Я РАНЕН, ПРИ СМЕРТИ И СЛИШКОМ СЛАБ, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА САМОСТОЯТЕЛЬНО. Я ЗДЕСЬ СОВЕРШЕННО ОДИН, И ЭТО НЕ ШУТКА. РАДИ БОГА, НЕ УХОДИТЕ И СПАСИТЕ МЕНЯ. Я СОБИРАЮ ЯГОДЫ ГДЕ-НИБУДЬ НЕПОДАЛЕКУ И ВЕРНУСЬ ВЕЧЕРОМ. СПАСИБО, КРИС МАККЭНДЛЕСС.

АВГУСТ?

Парень с девушкой из Анкориджа были слишком напуганы содержанием записки и невыносимым запахом разложения, чтобы исследовать салон автобуса. В результате набраться храбрости и заглянуть в окно пришлось Самелу. Внутри он увидел ремингтоновский карабин, пластиковую коробку патронов, восемь-девять книг в мягкой обложке, рваные джинсы, кухонную утварь и дорогой на вид рюкзак. В самой задней части автобуса на грубых нарах лежал синий спальник, внутри которого, казалось, было что-то или кто-то, хотя, как сказал Самел, «уверенности в этом не было никакой».

«Я встал на пенек, – продолжает свой рассказ Самел, – просунул руку через окно и пару раз потрянул этот мешок. Внутри точно было что-то, причем не очень-то тяжелое. И только когда я зашел с другой стороны автобуса и увидел, что из мешка торчит человеческая голова, мне стало ясно, что это там такое». К этому моменту Крис Маккэндлесс был мертв уже две с половиной недели.

Будучи человеком строгих правил, Самел решил, что тело нужно немедленно вывезти на Большую землю. Тем не менее, ни на их с Томпсоном маленьких машинах, ни на таком же небольшом вездеходе анкориджской парочки для транспортировки человеческого трупа просто не было места. Через некоторое время к месту событий подоспел и шестой персонаж, охотник из Хили по имени Батч Киллиан. Поскольку Киллиан приехал на большом восьмиколесном плавающем вездеходе «Арго», Самел предложил эвакуировать останки ему, но Киллиан отказался и стал убеждать всех присутствующих, что правильнее будет оставить все это тем, кто должен этим заниматься, то есть полиции штата.

В свободное от основной работы время шахтер Батч Киллиан исполнял обязанности медбрата на «Скорой помощи» Департамента добровольной пожарной охраны Хили, и поэтому у него на «Арго» стояла рация. Около автобуса поймать сигнал не получилось, и тогда он начал двигаться в направлении шоссе, периодически проверяя связь. Уже на закате, проехав около восьми километров, ему все-таки удалось связаться с радиооператором обслуживающей Хили электростанции. «Диспетчерская, это Батч, – сказал он. – Вызывайте-ка местных копов. Тут, в автобусе около Сушаны, человека нашли. Умер он вроде бы уже достаточно давно».

На следующее утро, в половине девятого, около автобуса в шумном вихре из пыли и осинových листьев приземлился полицейский вертолет. Представители полиции штата наскоро проверили автобус и ближайшие окрестности на предмет чего-нибудь подозрительного и улетели, забрав с собой останки Маккэндлесса, его камеру с пятью отснятыми пленками, записку с мольбой о помощи и дневник, описывающий последние недели его жизни – 113 загадочных, лаконичных записей, сделанных на двух последних страницах справочника по съедобным растениям.

Тело доставили в Криминалистическую лабораторию Анкориджа, где было произведено вскрытие. Тело так сильно разложилось, что даже точную дату смерти Маккэндлесса установить не было никакой возможности. Тем не менее, коронер не нашел никаких переломов или признаков серьезных повреждений внутренних органов. В теле практически отсутствовал подкожный жировой слой, а мышцы серьезно усохли еще в последние дни или недели жизни. В момент вскрытия в останках Маккэндлесса было всего килограммов тридцать весу. Патологоанатомы постановили, что, вероятнее всего, молодой человек погиб от голода.

Под запиской стояла подпись Маккэндлесса, а на пленках, проявленных в полицейской фотолаборатории, обнаружилось его многочисленные автопортреты. Однако при нем не было никаких документов, и по этой причине полицейские не могли установить, кто он такой, откуда взялся и что делал там, где его нашли.

Глава третья. Властелин собственной судьбы

Мне хотелось движения, а не спокойного течения жизни. Мне хотелось волнений, опасностей и самопожертвования для испытания новых ощущений. Во мне был избыток силы, не находивший места в нашей тихой жизни.

Лев Толстой

«Семейное счастье»

СТРОКИ, ПОДЧЕРКНУТЫЕ В ОДНОЙ ИЗ НАЙДЕННЫХ РЯДОМ С ТЕЛОМ КРИСА
МАККЭНДЛЕССА КНИГ

Не стоит отрицать... что возможность вольно бродить по свету всегда окрыляла. Она ассоциировалась у нас с побегом от своей биографии, притеснений, законов и докучливых обязательств, с абсолютной свободой, и все дороги, конечно, вели

на Запад.

Уоллас Стегнер

«Американский Запад как жизненное пространство»

Расположенный в Южной Дакоте городок Картаге с населением в 274 души представляет собой небольшое сонное скопление обшитых вагонкой домиков с аккуратными палисадниками, и кирпичных магазинных фасадов, робко возвышающихся над бескрайними просторами дрейфующих по течению времени северных равнин. Строгие ряды стройных тополей укрывают тенью сеть улиц, тишину которых изредка нарушают проезжающие автомобили. В городке всего один продуктовый магазинчик, один банк, одна бензоколонка и один-единственный бар с названием «Кабаре», в котором, потягивая коктейль и пожевывая сладкую сигару, Уэйн Уэстерберг и поделился со мной своими воспоминаниями о странноватом молодом человеке, известном ему под именем Алекс.

Фанерованные стены «Кабаре» увешаны оленьими рогами, рекламными постерами пива «Old Milwaukee» и аляповатыми картинами с охотничьими сценками. От групп по-шахтерски чумазных фермеров, одетых в рабочие комбинезоны и сетчатые бейсболки, к потолку бара поднимаются струйки сигаретного дыма. Перекидываясь короткими, сухими фразами, они жалуются друг другу на переменчивую погоду и беспокоятся, что на подсолнуховых полях еще слишком сыро, чтобы начинать уборку, а в телевизоре над их головами беззвучно мелькают образы глумливо усмехающегося кандидата в президенты Росса Перо. Через восемь дней страна выберет своим президентом Билла Клинтона. С момента обнаружения тела Криса Маккэндлесса на Аляске минуло уже почти два месяца.

«Точно такую выпивку Алекс всегда и брал, – хмуро произносит Уэстерберг, раскручивая лед в своем стакане с коктейлем «Белый русский». – Садился тут, у края стойки, и рассказывал всякие чудеса о своих путешествиях. Говорить мог часами. Многие тут в городе к старине Алексу крепко привязались. А вообще странно, что с ним такое приключилось».

Уэстерберг оказался энергичным и подвижным мужчиной с широченными плечами и черной козлиной бородкой. У него было два элеватора, один прямо в Картаге, а другой – в нескольких километрах от городка, но каждое лето он собирал спецбригаду комбайнеров и вместе с волной урожая поднимался на север, от Техаса в направлении канадской границы. Осенью 1990 года он завершал сезон в северной части Монтаны сбором ячменя для пивных гигантов «Coors» и «Anheuser-Busch». Десятого сентября, на выезде из городка Кат-Банк, где он покупал запчасти для поломавшегося комбайна, Уэстерберг остановился и подобрал автостопщика, приветливого парнишку, назвавшегося Алексом Маккэндлессом.

Маккэндлесс был невелик ростом, но крепок и жилист, как странствующий сезонный рабочий. Но больше всего Уэстерберга поразили его темные глаза. Чувственный взгляд юноши выдавал присутствие каких-то экзотических кровей (возможно, среди его предков были греки или индейцы чиппева) и был настолько незащищен, что Уэстербергу сразу захотелось взять парнишку под свое крыло. Как подумалось Уэстербергу, он обладал той нежной красотой, по которой сходят с ума женщины. Лицо парня отличалось странной пластичностью: бесстрастное и непроницаемое в один момент, оно могло в следующую же секунду внезапно расплыться в широченной улыбке. Улыбаясь, парень практически переставал быть похож на себя и демонстрировал крупные, лошадиные зубы. Мальчишка был немного близорук и носил очки в тонкой стальной оправе. Судя по всему, он был голоден.

Минут через десять после их знакомства Уэстерберг сделал остановку в городке Этридж, чтобы передать посылку своему приятелю. «Он угостил нас пивом, – рассказывает Уэстерберг, – и спросил у парня, когда тот в последний раз чего-нибудь ел. Алекс признался, что, наверно, пару дней назад. Сказал, что у него вроде как вышли все деньги». Услышав эти слова, жена хозяина дома уговорила их задержаться и приготовила Алексу плотный ужин. Умяв его за считанные минуты, парень уснул прямо за столом.

Маккэндлесс сказал Уэстербергу, что хочет добраться до Сако-Хот-Спрингс, расположенного в 380 километрах на восток по автостраде № 2. Об этом местечке он узнал от каких-то «резиновых» (так называют бродяг,

передвигающихся по стране «на резиновом ходу», то есть на собственных автомобилях, в отличие от «кожаных», не имеющих своего транспортного средства и поэтому вынужденных путешествовать автостопом или «на кожаном ходу», то есть на своих двоих). Уэстерберг ответил, что сможет подкинуть Алекса всего километров на пятнадцать, потому что потом ему нужно будет свернуть с трассы на север к Санберсту, где он в данный момент убирал урожай и жил в трейлере рядом с полем, на котором работал. Когда Уэстерберг остановился, чтобы высадить Маккэндлесса, было уже пол-одиннадцатого ночи, а на улице лило как из ведра. «Господи, – сказал Уэстерберг, – мне совесть не позволяет отпустить тебя под этот чертов ливень. Спальник, я вижу, у тебя есть... так, может, поедем со мной в Санберст, переночуешь у меня в вагончике?»

Маккэндлесс прожил у Уэстерберга трое суток, и каждый день, когда работники его бригады выводили свои неуклюжие машины бороздить океаны ячменных полей, выходил трудиться вместе с ними. Когда их дорожки, наконец, разошлись, Уэстерберг сказал Алексу, чтобы он заглянул к нему в Картаге, если будет искать работу.

«Не прошло и пары недель, как Алекс приехал в город», – вспоминает Уэстерберг. Он устроил его на свой элеватор и сдал недорогую комнату в одном из двух принадлежащих ему домов.

«За многие годы я не раз брал на работу автостопщиков, – говорит Уэстерберг. – В большинстве случаев ничего толкового из этого не выходило, потому что трудиться они не очень-то хотели. Но с Алексом все было совсем по-другому. Более работающего человека я в жизни не видывал. Чего ему ни поручи, он все сделает. Выгребал гнилое зерно и дохлых крыс из бункера элеватора, брался за самую грязную работу, после которой вообще не знаешь, на кого будешь похож. И никогда не бросал ничего на полпути. Если начал что-то делать, то уж до конца. Это у него было вроде как такое моральное правило. Порядочный был до невозможности. И планку для себя ставил очень высоко».

«Сразу стало понятно, что человек он умный и образованный, – вспоминает Уэстерберг, допивая третий по счету коктейль. – Много читал. Умными словами говорил. Мне кажется, что и в беду он попал отчасти оттого, что слишком уж много думал. Иногда он прямо голову был готов себе сломать, стараясь понять этот мир, разобраться, почему люди столько зла друг другу делают. Я ему пару раз попытался втолковать, что не стоит так уж глубоко во всем этом ковыряться, но Алекс на каждом вопросе просто зацикливался и к следующему не мог перейти, пока не найдет абсолютно верный ответ на предыдущий».

В какой-то момент Уэстербергу на глаза попала налоговая декларация парня, и он узнал, что по-настоящему его зовут не Алекс, а Крис. «Он так и не объяснил, почему поменял имя, – говорит Уэстерберг. – Из его рассказов было ясно, что он по какой-то причине не ладит со своими родными, но я в чужие дела лезть не люблю и поэтому никаких допросов ему не устраивал».

Если Маккэндлесс и чувствовал отчужденность от своих родителей, братьев и сестер, то новую семью он нашел в Уэстерберге и его работниках, в большинстве своем живших в доме Уэстерберга в паре кварталов от центра Картаге. Это был простой двухэтажный особняк викторианского стиля с большим тополем на переднем дворе. Жили четыре или пять его обитателей весело и бесшабашно. Они по очереди готовили еду, вместе ходили выпивать в бар и вместе ухлестывали за девушками (правда, без особого успеха).

Маккэндлесс быстро прикипел к Картаге. Ему нравилось безвременье города, плебейские добродетели и непритязательность манер его жителей. Городок был тихой заводью, неподвластной течению жизни, своеобразным убежищем для неприкаянных, и это как нельзя больше его устраивало. И с Картаге, и с Уэйном Уэстербергом в ту осень у него завязались особые отношения, которые он сохранил до конца жизни.

Уэстерберга в Картаге еще совсем ребенком привезли приемные родители. Теперь, на четвертом десятке, он превратился в самого настоящего «человека эпохи Возрождения»: он был и фермером, и сварщиком, и бизнесменом, и станочником, и мастером-механиком, и лицензированным пилотом, и

программистом, а еще чинил всяческую электронику и игровые приставки. Однако незадолго до встречи с Маккэндлессом из-за одного из этих талантов у него начались неприятности с законом.

Уэстерберга втянули в аферу по изготовлению и продаже «пиратских» ресиверов, при помощи которых люди могли бесплатно смотреть спутниковое телевидение. Узнавшие об этой схеме фэбээровцы устроили «контрольную закупку», и Уэстерберг попал под арест. Раскаявшийся Уэйн признал свою вину по одному эпизоду, чтобы избежать более серьезного наказания, и 10 октября 1990 года, то есть через пару недель после приезда Маккэндлесса в Картаге, был вынужден отправиться на четырехмесячную отсидку в тюрьме Сиу-Фоллс. Когда Уэстерберг угодил в каталажку, элеватор встал, и лишившийся работы Маккэндлесс покинул город и вернулся к кочевой жизни. Это произошло 23 октября, гораздо раньше, чем могло бы быть при другом раскладе.

Тем не менее, привязанность Маккэндлесса с Картаге не ослабела. Перед тем как уйти из городка, он подарил Уэстербергу книгу, которой очень дорожил, «Войну и мир» Толстого 1942 года издания. На титульном листе книги он написал: «Уэйну Уэстербергу от Александра. Октябрь 1990. Слушай Пьера». (В последней фразе он имел в виду одного из главных героев книги и альтер-эго самого Толстого, незаконнорожденного альтруиста и правдоискателя Пьера Безухова.) Маккэндлесс не терял связи с Уэстербергом и позднее. Странствуя по американскому Западу, он каждый месяц-два звонил или писал в Картаге. Он договорился, чтобы всю его корреспонденцию пересылали на адрес Уэстерберга, а почти всем, кого встречал в ходе своих странствий, стал представляться выходцем из Южной Дакоты.

В действительности Маккэндлесс вырос в штате Виргиния, в комфортабельном пригороде Аннандейла, населенном самыми сливками среднего класса. Его отец Уолт был известным в своей области инженером. В 1960—70-х он работал на NASA и «Hughes Aircraft» и занимался конструированием суперсовременных радиолокационных систем для космических челноков и другими громкими аэрокосмическими проектами. В 1978 году он открыл собственный бизнес, основав небольшую консалтинговую фирму «User Systems, Incorporated», которая со временем выросла во вполне успешное и прибыльное предприятие. Его

партнером по бизнесу была мать Криса, которую звали Билли. Кроме Криса, в семье было еще семь детей: младшая сестра Карин, с которой Крис был особенно близок, и шесть сводных братьев и сестер от первого брака Уолта.

В мае 1990 года Крис закончил в Атланте Университет Эмори. Во время учебы он был колумнистом и редактором студенческой газеты «The Emory Wheel», а также продемонстрировал большие успехи в изучении истории и антропологии, что подтверждалось очень высоким средним баллом по этим предметам. Ему предложили вступить в братство «Фи Бета Каппа», но он отказался, твердо заявив, что титулы и регалии не имеют для него никакого смысла.

Два последних года учебы он оплачивал из сорока тысяч долларов, оставленных ему в наследство другом семьи. К моменту окончания университета от этой суммы еще оставалось больше двадцати четырех тысяч, и родители думали, что он потратит их на учебу в юридическом колледже. «Мы совершенно не представляли, что у него на уме», – признается его отец. А еще, вылетая в Атланту на церемонию вручения дипломов, Уолт, Билли и Карин (впрочем, как и все остальные знавшие Криса люди) не представляли, что он в самом скором времени пожертвует все эти деньги Американскому отделению Оксфордского комитета помощи голодающим.

Церемония состоялась в субботу 12 мая. Семья досидела до конца длиннющей речи министра труда Элизабет Доул, а потом Билли нащелкала фотографий Криса, с усмешкой шагающего через сцену за своим дипломом.

Назавтра страна праздновала День Матери. Крис вручил Билли коробку конфет, цветы и открытку с сентиментальным поздравлением. Она была удивлена и очень растрогана этим первым за последние два с лишним года знаком внимания. Ведь пару лет назад Крис заявил родителям, что с этого момента он из принципиальных соображений перестает дарить и принимать любые подарки. Мало того, совсем недавно он хорошенько отчитал Уолта с Билли, когда те сказали, что хотят купить ему в честь окончания университета новую машину, а также готовы заплатить за юридический колледж, если у него на счету не хватит денег.

Он сказал, что у него и так отличная машина: горячо любимый «Датсун Б210» 1982 года выпуска, накатавший уже около 200 тысяч километров, немного помятый, но вполне надежный и исправный с точки зрения механики.

«Я поверить не могу, что они попытаются всучить мне новую машину, – жаловался он позднее в письме к Карин, – или подумают, что я позволю им заплатить за учебу в юридическом, если я вообще буду в него поступать... Я им миллион раз говорил, что у меня самая лучшая машина на свете, что я на этой машине объездил всю страну от Майами до Аляски и за все эти тысячи миль она ни разу меня не подвела, что я эту машину не променяю ни на какую другую, потому что бесконечно к ней привязан... но они все мои слова пропускают мимо ушей и считают, что я и впрямь соглашусь принять от них новую! В будущем мне надо вести себя осторожнее и ни в коем случае не принимать от них никаких подарков, а то они вообразят, что могут купить таким образом мое уважение».

Крис купил этот подержанный «Датсун» еще в старших классах школы. В последующие годы он взял за правило в свободное от занятий время уезжать на нем в длинные одиночные путешествия. О намерении точно так же провести наступающее лето он походя упомянул в разговоре с родителями и в тот уик-энд, когда они приехали на выпускную церемонию. Если дословно, то он сказал так: «Я собираюсь на некоторое время исчезнуть».

Ни отец, ни мать в тот момент особого значения его словам не придали, хотя Уолт и сделал слабую попытку вразумить сына, сказав: «Ты только перед отъездом к нам обязательно загляни». Крис улыбнулся, еле заметно кивнув головой, и родители, сочтя это обещанием до конца лета навестить их в Аннандейле, попрощались с ним и отправились домой.

Ближе к концу июня еще остававшийся в Атланте Крис отправил родителям последний отчет о полученных за сданные работы оценках: «пятерка» за «Апартеид и южноафриканское общество» и «Историю антропологической мысли», «пять с минусом» за «Современную политику Африки» и «Продуктовый

кризис в Африке». К университетским документам была приложена короткая записка:

Высылаю вам копию последней академической выписки. Если говорить об оценках, то все сложилось хорошо, и средний балл у меня в результате получился высокий.

Спасибо за фотографии, бритвенный набор и открытку из Парижа. Похоже, вам поездка понравилась. Наверно, было интересно.

Я отдал другу Ллойдю фотографию с вручения дипломов, и он говорит спасибо, потому что у него самого не было. Больше тут ничего интересного не происходит, только стало уже очень жарко и душно. Всем от меня привет.

После этого никто из родных Криса никаких вестей от него больше уже не получит.

Весь этот последний год Крис жил в Атланте не в студенческом городке, а в съемной комнате, больше похожей на монашескую келью, в которой не было практически ничего, кроме тонкого матраса на полу, стола и заменявших стулья молочных ящиков. Идеальным порядком и безупречной чистотой его комната не уступала военной казарме. А еще там не было телефона, и поэтому у Билли с Уолтом не было никакой возможности с ним связаться.

Наступил август 1990 года, и родители Криса, не получавшие от него никаких новостей после письма с оценками, решили съездить к нему в Атланту. Оказавшись у его дома, они увидели, что комната, в которой он жил, пуста, а в окне вывешена табличка «Сдается». Управляющий сказал, что Крис съехал еще в конце июня. Уолт с Билли вернулись домой и обнаружили, что все отправленные ими за это лето сыну письма вернулись одним пакетом. «Крис оставил в почтовом отделении инструкции повременить с возвратом писем до первого августа, очевидно, для того чтобы у нас не возникло никаких подозрений, – говорит Билли. – Все это нас очень сильно беспокоило».

Но к этому моменту Криса и след простыл. Пятью неделями раньше он загрузил пожитки в свою маленькую машину и отправился на запад, просто куда глаза глядят. Это путешествие должно было стать для него одиссеей в самом полном смысле этого слова, эпическим приключением, в результате которого должна была измениться вся его жизнь. С его точки зрения, все четыре предшествующих года он потратил на исполнение абсурдного и тягостного долга – получение диплома. А теперь он, наконец, сбросил с себя этот груз и вырвался из душного мира своих родителей и сверстников, мира абстрактных понятий, стабильности и материального достатка, мира, в котором он чувствовал себя безнадежно оторванным от первобытного пульса существования.

Отправившись из Атланты на запад, он хотел открыть для себя совершенно новую жизнь, жизнь, в которой он сможет с головой окунуться в настоящую, нефильТРованную реальность. Чтобы символически оформить свой полный разрыв с прошлой жизнью, он даже поменял имя. Он перестал называться Крисом Маккэндлессом и стал Александром Супербродягой, властелином собственной судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krakauer_dzhon/v-dikih-usloviyah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)